

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

СПЕЦНАЗ
ОФИЦЕРЫ

**ХРОНИКА
ОДНОГО ПОБЕГА**

Спецназ. Офицеры

Сергей Зверев

Хроника одного побега

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Хроника одного побега / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2017 — (Спецназ. Офицеры)

ISBN 978-5-04-088859-7

Российские тележурналисты Данила Ключников и Камилла Бартеньева отправляются в Сирию снимать сюжеты на злободневные темы. Там они попадают в плен к главарю одной из бандитских группировок, известному своим зверским обращением с безоружным противником. Но на этот раз бандит не спешит казнить пленников, он собирается предъявить русских журналистов мировой общественности как шпионов президента Асада. На кону — репутация законного правительства Сирии и ее союзников. Отважные репортеры не хотят становиться козырем в руках террориста. Они готовят дерзкий побег, когда в их распоряжение неожиданно попадают сведения, способные кардинально изменить ситуацию...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088859-7

© Зверев С. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Зверев

Хроника одного побега

© Зверев С.И., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Глава 1

В выцветшем сирийском небе одиноким крестом парил орел. Казалось, он не тратит сил на то, чтобы висеть в воздухе, ветер сам несет его. Внизу простирались руины небольшого города Абу-эд-Духура, расположенного на юг от ставшего известным на весь мир Алеппо – оплота повстанцев.

Абу-эд-Духур пострадал не меньше, вот только о нем почти не писала мировая пресса. Кому интересна на фоне ста тысяч жертв, миллионов беженцев судьба нескольких тысяч? Город практически вымер. Все, кто мог, покинули его, оставив на месте лишь то, что нельзя унести, увезти с собой, – черные задымленные стены разрушенных домов, коробки заводских корпусов, улицы с воронками, оставленными авиационными бомбами.

Ветер гнал по пустынным улицам пыль, клочья газет и листовок, на перекрестках, между безжизненных светофоров, кружились в воздухе пластиковые пакеты, напоминавшие, что все же в казавшемся вымершем городе продолжается жизнь. Своеобразная, созвучная своему времени, а потому страшная жизнь.

Мало кто из пленников, попавших в руки отряда повстанцев, взявших под контроль мертвый город, мог изменить свою судьбу. От людей уже ничего не зависело, за них все решали те, у кого было в руках оружие. Даже собственная жизнь несчастным не принадлежала. Полторы сотни пленных – мужчин и женщин, представителей разных рас, стран, коротали день в душном дворике бывшего полицейского участка. На ночь их загоняли в здание изолятора временного содержания.

Дворик окружала высокая бетонная стена, на углах которой повстанцы устроили что-то вроде сторожевых площадок – на сбитых щитах уложили мешки с песком, за которыми располагались автоматчики. С северной стороны сразу же за стеной открывался фантастический промышленный пейзаж. Руины бывшего завода по производству строительных конструкций выглядели живописно. Местами проваленные перекрытия, хитросплетения проржавевшей арматуры, порванные ленты транспортеров, чудом уцелевшие кирпичные трубы, гигантские наклонные цилиндры шаровых мельниц. Кроме всего этого, да еще клочка выцветшего неба с крестом хищной птицы, больше изнутри двора ничего нельзя было увидеть.

Пленники, за редким исключением, здесь подолгу обычно не задерживались. Кого-то оперативно выкупали родственники или фирмы, кого-то – победнее, элементарно продавали в рабство, представителей противоборствующей стороны или даже союзных по борьбе с режимом президента Асада группировок выменивали на оружие, патроны, карты, тактические секреты. Ну, а тех, кому совсем не везло в этой жизни, боевики просто убивали, чтобы не тратиться на пищу для них. Происходило все это буднично, даже рутинно – затянувшаяся революция приучила людей к жестокости и обесценила чужую кровь.

Полуденная дрема укрывшихся в тень пленников на плацу оказалась прервана появлением главаря группировки, обосновавшейся в Абу-эд-Духуре, – Хусейна Дибана. Этот человек был лишен всякого сострадания к тем, кто был слабее его. Внешность он имел довольно колоритную. Жесткая черная борода «лопатой» доходила до середины груди. Под кустистыми сросшимися бровями маслянисто поблескивали маленькие глазки. Голову туго обтягивала повязка с арабской вязью. Густая шевелюра, разросшаяся по всему телу, кустиками выбивалась из-под выреза и рукавов заношенной белой майки. В левой руке главарь отряда сжимал пистолет, правой тербил сердоликовые четки. Его ноги были полусогнуты, словно Хусейн собирался пуститься в пляс. Заглянув главарю в глаза, нетрудно было догадаться, что он основательно обкурился – обычное для него состояние, нездоровый блеск говорил об этом однозначно.

– Всем встать! – заорал он на сирийском диалекте арабского, нисколько не смущаясь тем, что далеко не все его понимают.

Люди стали медленно подниматься, подходить к стенам. Хусейна Диб их неторопливость взбесила.

– Я сказал! – крикнул он. – Тот, кто поднимется последним, получит пулю!

Последним оказался пожилой французский инженер. Его костюм все еще хранил былой лоск, а вот выражение самоуверенности с лица уже улетучилось. Немолодой мужчина уже шел к стене, когда Хусейн нажал спусковой крючок. Пуля вошла в землю прямо у ног инженера, подняв фонтанчик пыли. Светлые штаны немолодого француза стали темнеть между ног. Диб собирался попасть несчастному в спину, но промазал. Однако ему не хотелось признавать такой досадный промах.

– Шутка! – задорно выкрикнул он. – Лягушатник, иди к остальным, может, тебе еще раз повезет.

Пленники стояли молча. Явная неадекватность главаря повстанцев не сулила ничего хорошего. Когда наркоман берет в руки боевое оружие, жди беды. И она не заставила себя ждать. Диб запустил пальцы в бороду, прикрыл глаза, словно что-то вспоминал, затем его рот растянулся в кривой улыбке – такой широкой, что ее не мешала разглядеть даже густая растительность на лице.

– Ублюдки, – проговорил он. – Каждый из вас и засохшей коровьей лепешки не стоит. Все вы здесь собрались не случайно. Это я вас собрал вместе. Кто-то воевал против нас, кто-то сотрудничал с преступным режимом. И каждому из вас предстоит ответить за это. Думаете, откупиться деньгами? Но за кровь можно расплатиться только кровью. Посмотрите на мой родной город. Что из него сделали ваши друзья из Дамаска? Он мертвый! Абу-эд-Духура больше нет. Некому хоронить, некому оплакивать мертвых...

Обмочившийся после выстрела француз стоял рядом с парой: высокий, крепко сложенный мужчина со светлыми, выгоревшими на солнце волосами и хрупкая молодая женщина со следами косметики на лице. Инженер стыдливо смотрел в землю, он не понимал, что говорит Хусейн, и поэтому мелко трясся.

– Часто тут такое случается? – спросил у француза по-английски молодой блондин.

– Он сумасшедший, маньяк, – пролепетал «лягушатник». – Лучше его не злить. Вы, наверное, недавно здесь, если спрашиваете?

– Второй день, – отозвался блондин. – Мы российские журналисты, – он кивнул на молодую женщину.

– Это плохо. Очень плохо, – произнес француз.

– Почему?

Ответа журналист так и не услышал, потому что Хусейн повысил голос, явно собираясь завершить свой эмоциональный монолог на «высокой ноте».

– ...а потому я сейчас застрелю каждого шестого из вас.

– Что он сказал? – засуетился француз, поняв по реакции пленников из местных, что прозвучала какая-то угроза.

– Он сказал, что сейчас убьет каждого шестого, – перевела спутница слова блондина. – Это шутка такая?

– Не думаю, – послышалось в ответ.

Сказанное и впрямь казалось какой-то идиотской шуткой. Но Диб уже шел к выстроившимся вдоль стены людям и хаотически размахивал пистолетом, который продолжал сжимать в левой руке.

– Хотите знать, почему каждого шестого? – произнес он и обвел взглядом пленников.

Никто не решился подтвердить свой интерес к цифре шесть.

– А потому, что мне так захотелось! – хрипло выкрикнул Хусейн.

Другим бойцам повстанческого отряда явно было не по душе то, что затеял командир, но никому из них не хотелось попадать под его горячую руку.

- Какой у тебя номер? – спросил Диб бедуина, стоявшего первым.
- Первый, – с дрожью в голосе выговорил мужчина с темным, почти коричневым лицом.
- Не угадал, – Хусейн усмехался, глаза его хищно блестели.
- Первый, – повторил пленник.

И тут Хусейн вкрадчиво произнес:

- Шестой, – после чего резко вскинул руку с пистолетом и выстрелил несчастному в лоб.

Голова лопнула, как спелый арбуз. Заднюю часть черепа вынесло выстрелом. Кровавое месиво плеснуло на шершавую бетонную стену. А сам человек, уже мертвый, упал на пыльную землю. Хусейн стоял и смотрел, как дым медленно стекает из ствола его пистолета.

– Считать научись, – наконец вскинул он голову и перевел взгляд на замершего араба в перепачканной краской строительной робе. – А ты считать умеешь?

Строитель так трясся, что не смог выдавить из себя и слова.

- Может, и ты шестой, а? – прищурился Диб.

– В-в-в-второй, – вымолвил непослушными губами строитель.

– Не слышу... – Голос главаря вновь стал вкрадчивым.

– Седьмой, – справился с собой араб.

– Ответ правильный, – ствол пистолета еще несколько раз качнулся перед лицом строителя.

Хусейн принялся считать дальше:

- Третий, четвертый, пятый...

Шестому он пустил пулю в лоб даже без предупреждения и тут же повел свой страшный отсчет дальше. Люди, стоявшие вдоль стены, лихорадочно отсчитывали свое место, боясь стать двадцать четвертыми, тридцатыми, тридцать шестыми... Сделать это, оставаясь в шеренге, было непросто. Каждый новый подсчет обычно выдавал новый номер.

– Семнадцатый, – произнес Хусейн, глядя в глаза российскому журналисту, и улыбнулся. – А вот ей не повезло, – кивнул он на молодую женщину. – Восемнадцатая. Ну, что я могу с этим поделать? Таковы правила моей считалки.

Ствол пистолета уперся красавице в лоб. Женщина закрыла глаза, боялась пошевелиться.

– Стой! – внезапно сказал журналист.

Хусейн недоуменно посмотрел на него:

– В чем дело?

– Я хочу поменяться с ней местами, – твердо сказал он.

Диб округлил глаза:

– Хочешь стать восемнадцатым? Хочешь умереть?

– Камилла, – журналист властно взял свою коллегу за плечи и поменялся с ней местами.

– Данила, не делай этого, – сказала женщина, но не смогла найти в себе силы, чтобы вернуться под ствол пистолета.

– Можешь стрелять, – сказал журналист Хусейну, глядя в черный провал отверстия ствола.

Диб покачал головой:

– Может, вас вместе пристрелить? Теперь и ты, и она восемнадцатые.

Данила выдержал насмешливый взгляд.

– Стреляй.

Еще неизвестно, чем бы окончилась считалка обкуренного командира, если бы не послышался автомобильный сигнал из-за высоких металлических ворот. Хусейн опустил пистолет, но прятать его не стал. Охранники развели створки. На плац выехал древний колониальный «Лендровер». На крыше на багажной площадке был установлен крупнокалиберный пулемет.

Машина заложила на плацу круг и замерла возле командира.

– А, – недовольно произнес Хусейн. – Сабах приехал.

С заднего сиденья выбрался поджарый молодой араб, разительно отличающийся внешностью и манерами от Дибана. В руке он держал увесистый саквояж. Сабах Сармини официально являлся заместителем Дибана. При желании наверняка мог бы стать и командиром отряда. Ведь мозгов у него было куда больше, чем у Хусейна. Но сообразительность подсказывала ему, что практически все командиры плохо и быстро заканчивают земную жизнь. Все зло, сотворенное отрядом, персонифицируется в них. А вот заместители остаются как бы в стороне и нередко переживают своих командиров. Выглядел он почти по-европейски. Стильная стрижка, идеальный пробор, светлый деловой костюм, дорогие английские туфли. На глазах поблескивали узкие очки в золотой оправе. Когда человек с такой внешностью умеет говорить на нескольких европейских языках, это никого не удивляет.

Сабах быстро оценил обстановку. Два трупа. Безумные глаза Дибана. Пистолет, направленный на двух новых пленников-журналистов. Прилюдных скандалов Сабах не любил. Тем более он старался их избегать на глазах у подчиненных. Хотя у него и имелось сильное желание врезать своему командиру по роже, все же он предпочел поступить по-другому. Просто забрал у него пистолет.

– Пошли, Хусейн, срочный разговор есть. – Сабах взял Дибана за руку и повел за собой к зданию бывшего полицейского управления.

Тот не сопротивлялся, лишь, обернувшись, напомнил Камилле:

– Мы с тобой еще встретимся, восемнадцатая.

Командир со своим заместителем исчезли в здании. Бойцы без видимых эмоций потащили трупы к грузовику, бросили их в кузов.

– Кровь со стены смыть, а на земле засыпать песком! – распорядился один из бойцов, ни к кому конкретно не обращаясь, знал, что пленники, пробывшие здесь не один день, уже самоорганизовались и повторять ему не придется.

Обессиленная Камилла опустилась на землю.

– Ты с ума сошел, – сказала она своему товарищу, когда тот устроился рядом.

– Почему?

– Ты хотел умереть? Но это же лотерея. Чем я лучше тебя?

– Ты сама отвечаешь за меня, а потом задаешь новые вопросы. Для тележурналиста такое недопустимо. Я тебе говорил, что хотел умереть?

– Но ты же сам...

– Помолчи, – Данила приложил палец к губам женщины. – Я делал все, чтобы мы с тобой остались в живых.

– Поменявшись со мной местами?

– Именно, – вяло улыбнулся Данила. – Этот тип настолько самоуверен, что никогда не станет делать то, о чем его просят, он никогда не воспользуется советом, даже если он дельный. Я на этом и играл. А что мне оставалось? Я ему сказал: «Стреляй», и у него в голове переключилось.

– Не думаю, что сработал твой безумный метод.

– Мы с тобой живы, – напомнил Данила.

– Это случайность. Что они с нами собираются делать? Зачем им журналисты?

– Сделать они могут все, что угодно. Пока мы здесь, мы целиком в их власти.

– Не хочу, не хочу, не хочу... – как заведенная, стала повторять Камилла и застучала кулаком по пыльной земле.

Данила подложил на место удара свою ладонь и поймал кулак.

– Если не хочешь здесь оставаться, нужно подумать о побеге, – убежденно сказал он.

– Это возможно?

– Нужно только очень захотеть.

Женщина доверчиво прижалась к мужчине. Он слышал, как часто бьется ее сердце. Он смотрел вокруг, думая о том, что убежать отсюда практически невозможно, вот разве какая-нибудь случайность подвернется. Еще он подумал, что за них повстанцы практически еще и не брались – руки не дошли.

А каким неплохим ему казалось будущее совсем недавно...

Решение поехать в Сирию пришло спонтанно. Всему виной оказался случай. Оператор Данила Ключников и тележурналистка Камилла Бартеньева уже второй год работали вместе, вместе и жили в Москве, снимая квартиру. Профессия стрингера – свободного журналиста, делающего сюжеты для разных каналов, – им нравилась. Практически ни от кого не зависишь. Нашел покупателя на материал, сумел выгодно продать, и несколько месяцев безбедной жизни гарантировано. Правда, чтобы снять дорогостоящий материал, приходилось изрядно «попотеть». Трудно оказаться в нужное время в нужном месте, да еще и с включенной камерой в руках. Лучшее место для эксклюзива – горячие точки. Тунисскую революцию парочка стрингеров проморгала, слишком уж быстро все там кончилось, египетскую – еще успели захватить. После нее неплохо отдохнули, растратив по привычке почти все припасенные деньги. То ли нехватка средств, то ли долгий срок, прожитый вместе, привел к тому, что Данила завел себе роман на стороне. В конце концов, официально они с Камиллой женаты не были, потому молодой оператор особо и не скрывал от нее свое новое увлечение. А вот женщина посчитала, что нанесен сильный удар по ее самолюбию, и решила наказать приятеля – разойтись и по жизни, и в творчестве. Мол, ты без меня ничего не добьешься, а я – талантливая журналистка, легко найду другого оператора с меньшими амбициями. Бартеньева, всю переругиваясь с Ключниковым, уже собирала вещи, когда Даниле позвонили из Лондона. Знакомый продюсер с BBC сделал заманчивое предложение. Нужно было срочно лететь в Сирию, сделать несколько репортажей из Дамаска. Британский оператор, с которым уже был заключен контракт, попал в аварию. Даниле предлагалось поработать с журналисткой-англичанкой. Правда, на оформление положенных документов времени не оставалось, все необходимое Даниле предстояло добыть самому.

По здравому соображению, следовало соглашаться, однако широкая натура Ключникова требовала широкого жеста. В присутствии притихшей Камиллы он заявил продюсеру, что привык работать только с одной журналисткой, к тому же Камилла знает английский как родной. Короче говоря, он поедет только с ней или вообще не поедет. Шантаж сработал. Продюсер дал добро.

Камилла для вида поломалась, сказала, что это последняя ее с Данилой совместная работа, после которой они разбегутся окончательно. Мол, ни на что не рассчитывай.

За неделю Ключников исхитрился через знакомого депутата-проходимца раздобыть нужные бумаги. Согласно им, его с Камиллой командировал для работы в Сирии один из центральных российских каналов, имелись и рекомендательные письма от Министерства иностранных дел Российской Федерации. Проходимец честно предупредил, что бумаги хоть и выглядят как настоящие и даже проштампованы неподдельными печатями, но по ним впоследствии, если что-то случится, даже страховки не получишь.

Поработали с неделю в относительно спокойном Дамаске. Однако аппетит, как известно, приходит во время еды. Британскому продюсеру понадобились репортажи из занятого повстанцами Алеппо, он был согласен оплатить их по двойной ставке. Желание заработать лишило осторожности. Данила и Камилла согласились.

Если долгое время тебе угрожает опасность, то бдительность притупляется. Машину стрингеров повстанцы остановили прямо на шоссе, забрали бумаги, отснятые материалы, камеру. Продержав сутки в глинобитной хибаре, их доставили в Абу-эд-Духур, где они стали одними из многих пленников Хусейна Дибана.

Глава 2

Бывший кабинет начальника полицейского управления Абу-эд-Духура был просторным. Раньше в нем имела дорогая обстановка: письменный стол ручной работы, стол для совещаний, мягкие кресла, напольные куранты, мягкие ковры, стены укрывали деревянные панели... Однако теперь от той шикарной обстановки мало чего осталось. Даже панели со стен и те были сорваны, об их прошлом существовании напоминали лишь брусочки, привинченные к кирпичной стене. Повстанцы, устроившие в бывшем полицейском управлении свою базу, не собирались здесь обживать надолго.

Сабах Сармини толкнул обкуренного Хусейна Диб в кабинет и строго посмотрел ему в глаза. Командир по-идиотски хихикнул и плюхнулся на потертый диван, притащенный из разбомбленного дома неподалеку.

– Ну, и как ты объяснишь свой поступок? – спросил Сабах, разрядил отобранный у Хусейна пистолет и вернул оружие командиру.

Диб еще раз хихикнул, а потом разразился громким хохотом, словно Сабах рассказал ему смешную-пресмешную историю.

– У тебя с головой неполадки, – Сабах устроился за обшарпанным письменным столом. – Будешь столько дури курить, окончательно слетишь с катушек.

– Я еще в школе курить начал, – Диб забросил ноги на журнальный столик.

– Оно и видно, – брезгливо скривился Сармини, снял очки и старательно протер замшевой салфеткой стекла. – Пока не придешь в себя, говорить с тобой бесполезно.

– Бесполезно, – весело согласился Хусейн и закашлялся.

Сабах выставил на стол саквояж. Диб уставился на него и сделался серьезным.

– Делаешь успехи, – криво ухмыльнулся Сабах. – Уже способен концентрировать внимание.

– Ты не очень-то, – расплывчато пригрозил командир.

Сармини подошел к спиртовке, зажег ее и поставил на огонь джезvu. Вскоре в просторном неухоженном кабинете распространился аромат кофе. Этот запах привел Хусейна в чувство.

Он пил из маленькой чашечки круто заваренный напиток, капли которого поблескивали у него в бороде.

– Как прошло? – спросил Диб, покосившись на саквояж.

– Тебя дела начали интересовать? Это еще лучше, – взгляд у Сабаха сделался уже не таким строгим, но в глубине оливковых глаз все еще таились огоньки злости.

Хусейн допил кофе, поставил чашечку на блюдце дном вверх. Сармини неторопливо раскрыл саквояж и высыпал на стол горку тугих пачек денег. Каких только купюр здесь не было: и американские доллары, и евро, и турецкие лиры... Диб даже зацокал языком.

– А я думал – не соберут выкуп.

– Всей деревней собирали. И учти – это выкуп всего за двух мелких турецких торговцев.

– Сколько здесь?

– На эти деньги можно купить триста новеньких, еще в оружейной смазке, автоматов или же автозаправку в пригороде Дамаска, или же бунгало на Кипре. А можно тупо положить в банк... – стал растолковывать Сабах.

Глаза у Хусейна загорелись, он потянул руку к деньгам. Сармини тут же ссыпал их назад в саквояж.

– Во-первых, мы должны заплатить нашим людям. Я понимаю, что хороший воин – голодный воин, но смотря до какой степени голодный. Повстанческих группировок много. Нельзя допустить, чтобы наши люди переходили к другим командирам.

– Я же не против, – пробормотал Хусейн.

И тут взгляд Сабаха сделался предельно жестким.

– А теперь прикинь, сколько ты денег погубил своей идиотской игрой в считалочку.

– Подумаешь, два трупа, – развязно произнес Хусейн.

– Если бы я тебя вовремя не остановил, их было бы куда больше. Ты же не дикий бедуин, не дитя пустыни, ты в школе учился, где тебе математику преподавали. Складывать, множить научился. Если еще раз застаю тебя за таким занятием, самому пулю в голову пушу.

– Ладно, проехали, – махнул рукой Хусейн. – За тех, кого я пристрелил, может, нам вообще ничего бы не заплатили. Кто знает? Это как в лотерею играть, один билет выигрышный, а десять пустых.

Сармини покачал головой:

– Если рассуждать, как ты, то лучше вообще не вести никаких дел. Мы с тобой торговцы живым товаром и должны абсолютно точно знать цену того, с чем выходим на рынок. Согласен?

– Согласен, – как эхо повторил Хусейн.

– Тогда скажи мне, сколько стоят те двое русских, которых ты чуть не пристрелил?

Диб беззвучно зашевелил губами, словно считал невидимые деньги, после чего выдал:

– Шайтан их знает. Русских я не люблю, они подонку Асаду оружие поставляют. Зря ты мне помешал на спусковой крючок нажать.

– Ты сейчас не воин, а торговец. А торговцу главное – получить прибыль с продажи товара, – принялся читать курс экономики Сабах. – Для бизнесмена все равно, кто кому помогает оружием. Для него важно только получение денег и больше ничего, никаких дополнительных эмоций. Пока ты в свои идиотские игры играл и портил дорогостоящий товар, я делом занимался.

– Не спорю. Ты деньги привез, – согласился Диб.

– Эти деньги – мелочь по сравнению с тем, что мы можем получить в будущем. Вот, – с этими словами Сабах положил на стол компьютер-планшетник и включил его.

Хусейн с недоверием шурился на планшет, в его понимании компьютер был пригоден лишь для игр и переписки.

– Теперь смотри, – Сабах принялся водить пальцем по экрану. – Я собрал всю доступную информацию по нашим пленникам. Создал базу данных на них. Вот, скажем, французский инженер, заходим на его страничку. Год рождения, недвижимость, которой он владеет, молодая жена, дети от первого брака. Кредиты, страховки, отчисления на пенсию. А вот и фирма, на которую он работает: годовая прибыль, оборот, стоимость активов. К кому надо обращаться за выкупом?

– В первую очередь к семье, как мы и сделали, – убежденно произнес Хусейн.

– Если мы правильно сделали, то почему до сих пор не получили выкуп? – задал встречный вопрос Сабах.

– Жена и дети деньги еще не собрали, – пожал плечами Диб и нервно запустил пятерню в бороду.

– Не собрали, несмотря на то, что мы вдвое уменьшили сумму? – ухмыльнулся Сабах.

– Не выкупить мужа или отца – это позор.

– Не путай наши традиции с европейскими. У них все уже давно живут индивидуально. Эгоисты полные. Дети выросли, обзавелись своими семьями и стали чужими для родителей. Никто деньгами делиться не станет.

– Можно с фирмой связаться, он же на них работает, прибыль приносит. Должны же они его выкупить, – неуверенно проговорил Хусейн, уже понимая, что вновь ошибся. – Не заплатят, мы его пристрелим.

– Ладно, – сжалился над менее сообразительным соплеменником Сармини. – Теперь послушай, что я тебе скажу. Инженеру осталось три года до пенсии. Много он прибыли принесет фирме? Есть у него на работе перспектива?

– Прибыли мало, перспектив никаких, – признался Диб.

– Значит, давить на фирму смысла не имеет. Он для них не ценный работник, денег за него они никогда не заплатят.

– Остается семья, – так и не смог переключить мозги на европейский лад командир повстанцев.

– Дети от первого брака? – Ехидная улыбка появилась на лице Сабаха. – Они на него в обиду за развод с их матерью. Какой смысл им платить? Остается молодая жена? Вот уж к кому следует обращаться за выкупом в последнюю очередь! Ей тридцать два, ему шестьдесят пять. В случае гибели супруга за ней остается их дом в Гренобле и она же получает страховку в триста тысяч евро. Да она спит и видит себя молодой завидной вдовой.

– Пристрелить его надо, зря хлеб жрет, – скоропалительно вынес приговор Диб.

– Инженер – товар, который надо продать, вот только покупателя правильного найти следует, – продолжал ухмыляться Сармини.

– Ты же сам сказал, что он никому не нужен. Пусть подавится страховкой его жена-шлюха.

– Я не говорил, что инженер никому не нужен живым. Я только отмел тех, кто не станет за него платить.

– Тогда я отказываюсь понимать, – развел руками Хусейн. – Жене, детям, фирме он не нужен. Единственное применение – расстрелять на глазах у других пленников, чтобы знали: так будет с каждым, за кого не заплатят. Пусть сами подсказывают, к кому обращаться за выкупом. Буду я еще голову себе ломать.

– Я не просто так базу данных составлял. Не от нечего делать информацию собирал. Ты забыл о страховой фирме, где застрахована его жизнь. В случае смерти они должны выплатить его жене-шлюхе триста тысяч. А теперь подумай, если мы зарядим страховщикам сумму выкупа в двести тысяч, выгодно будет им заплатить нам, а не ей?

– Думаю, начнут торговаться, но на сто пятьдесят тысяч согласятся, – просветлевшим лицом сказал Диб. – Повезло мне с заместителем. Да о таком варианте даже сам инженер не подумал. Головастый ты, Сабах.

– Аллах не обидел – наградил, – самодовольно произнес Сармини.

– Ну, так пошли, прижмем «лягушатника», – оживился Хусейн. – Он трусливый, обмочился сегодня.

– Инженера я только как пример привел, – Сабах продолжал «колдовать» с планшетником. – Чтобы у тебя мозги совсем уж на место стали, я тебе покажу, каких пленников ты сегодня чуть было на тот свет не отправил.

Сармини поднял планшет и развернул экраном к командиру. С фотографии ему счастливо улыбались Данила с Камиллой.

– Русские тележурналисты, работают на один из центральных телеканалов России. Ты знаешь, сколько на этом канале одна минута рекламного времени в прайм-тайм стоит?

– Я же воин, – напомнил Диб.

– Я тоже не только бизнесом занимаюсь, но тем не менее уточнил. И в России не зря учился, язык знаю. Тридцать тысяч долларов за одну минуту показа рекламного ролика. Пока мы с тобой тут говорим, на счет канала уже миллион баксов упал.

– Круто, – занервничал Диб и стал перебирать в пальцах сердоликовые четки. Так за них же можно по миллиону за каждого зарядить.

– Можно, – кивнул Сабах. – Такие деньги они могут выложить. К тому же неучтенных бабок на телевидении проворачивается больше, чем легальных. Взятки, скрытая политическая реклама, кинопроизводство...

– Так давай, звони владельцу, пусть деньги готовит. – Хусейн так воодушевился, что даже вытащил из кармана сотовый телефон.

Сармини упивался своим умственным превосходством над командиром. Хусейн не искал сложных ходов, не выстраивал комбинаций, он предпочитал рубить сплеча. Все его действия просматривались от первого шага до последнего во всей своей незамысловатости. Звонок владельцу – требование выкупа, а затем, в зависимости от результата, освобождение пленников или же их показательная казнь.

– Чего еще ждать? Я сейчас прикажу, чтобы эту парочку притащили сюда, пусть сами красочно и расскажут владельцу о своем положении, – стал поторапливать Диб, теперь его глаза сверкали, как две новенькие десятицентовые монетки.

И вновь Сармини пришлось остудить пыл своего вспыльчивого командира.

– Хусейн, – вкрадчиво произнес он, будто втолковывая неуспевающему школьнику то, что дважды два может быть только четыре, но никак не семь или восемь. – Связываться с журналистами всегда стремно. А тут нам предстоит противопоставить себя целому телеканалу огромной страны, который вещает и на многие другие страны, его смотрят, верят ему сотни миллионов людей по всему миру.

– И что из того? – пожал плечами несообразительный Диб.

– Они мгновенно слепят из нас образ не благородных повстанцев, борющихся с диктатурой семейства Асадов, а террористов, разбойников с большой дороги, похитителей женщин и детей, работарговцев. Что, кстати, почти полностью соответствует правде. У нас мало конкурентов, желающих занять наш сегмент рынка? Несколько конкурирующих отрядов мгновенно объединятся и сметут нас с лица земли под благородной вывеской освобождения журналистов. Даже если этого не случится, подумай, как нам потом оправдываться пред нашими западными спонсорами? Мы погубим свою репутацию. А репутация в бизнесе дорогого стоит.

– Замкнутый круг? Тогда зачем ты мне говорил про огромный выкуп? – не понял Диб.

– Замкнутый круг можно разорвать, – улыбнулся Сабах. – Представь, что мы захватили не журналистов, а российских шпионов, помогающих Асаду. На чьей стороне будет симпатия?

– На нашей. Мы – борцы с кровавым режимом, а они его пособники.

– Дело остается за малым. Российские журналюги должны сами признаться в том, что, коварно прикрываясь неприкосновенностью прессы, на самом деле шпионили в пользу Асада.

– Развязывать языки я умею, – хохотнул Хусейн.

– За десять минут они сами во всем признаются. Имея на руках такое признание, мы навяжем свои правила игры. Только ты постарайся держать себя в руках. Предоставь в основном действовать мне. И еще раз повторяю: еще раз застану тебя с пистолетом в руках за дурацкой считалочкой, делить деньги мы с тобой будем уже по-другому. Я вычту из твоей доли стоимость испорченного товара. Ясно?

– Да все будет нормально, не сомневайся.

– Хочу в это верить. Держи себя в руках и прекрати курить дурь, – Сабах спрятал планшетник в саквояж, затем пристально посмотрел в лицо Хусейну. – Ты слишком беспечно относишься к своей безопасности, – сказал он.

– Меня на нашей базе никто не достанет, – самоуверенно заявил Диб.

– С этим я не спорю. Но на любого человека можно надавить через его родственников.

– Ты о чем?

– Твоя семья по-прежнему на юге?

– Да. Обе жены и дети.

– Их кто-нибудь охраняет?

– Я приставил к ним трех надежных людей, – пожал плечами Хусейн.

– Этого недостаточно. У меня есть информация, что Файез планирует их похитить, – упомянул имя главаря конкурирующего отряда Сармини.

– После того, как я выбил его, безродного исмаэлита, из Абу-эд-Духура, он не отважится на такое, – заявил Диб.

– Схватиться с нашими людьми в открытом бою он не посмеет. А вот совершить подлость – спокойно. Тебе давно нужно было перевести свою семью сюда.

– Ты же сам знаешь, времени на это не было. Думал, обойдется, – уже серьезно обеспокоился Хусейн, все же свою семью он любил. – Информация проверенная?

– Это только слухи, но, зная Файеза, я не удивлюсь, если он похитит твоих жен и детей, – Сабах положил руку на плечо командира. – Я этим займусь, перевезу их в Абу-эд-Духур. Здесь они будут в полной безопасности. Ни один волос не упадет с их голов.

Глава 3

Данила с Камиллой, конечно же, понимали, что просто так их не отпустят. Но они не могли подумать, насколько далеко зашли планы их похитителей.

Солнце клонилось к западу. Его косые лучи прорезали заводские руины, золотили их. Первый стресс после попадания в плен уже прошел. Ключников и Бартеньева в первые дни старались не упоминать в разговорах Москву, свои прежние ошибки, не пытались докопаться до причин, по которым оказались пленниками.

Мужчина и женщина сидели под стеной на прогретой солнцем земле. Днем им хотелось быть поближе друг к другу, потому что ночью их загоняли в общие камеры. Данилу в мужскую, Камиллу – где содержались женщины.

– Мне спокойно рядом с тобой, – проговорила Бартеньева. – Хотя ты и сволочь. Променял меня на эту тупую Лидку из театра.

– Хороший симптом, если начинаешь злиться, – Данила погладил свою подругу по плечу.

– Я не злюсь. Я констатирую факт. Но при этом понимаю, что окажись ты со своей Лидкой здесь, то это бы вас сблизило по-настоящему. Так что уж лучше я с тобой, чем она. Интересно, нас уже хватились?

– Думаю, что нет. Точного времени для встречи мы никому не назначали. От нас по-прежнему ждут репортажей. Даже время в эфире для них зарезервировано.

– Обидно, – вздохнула Бартеньева. – Мое любимое время суток – закат, – она прикрыла глаза. – Солнце такое ласковое. Оно не палит, как днем, а просто греет.

– Ты еще скажи, будто с закрытыми глазами можно представить себе, что сидишь не в пыльном дворе полицейского управления, а расположилась на берегу моря. Солнце сядет, и мы с тобой отправимся в бар, а там «все включено». Если хочешь, я могу даже шум волн изобразить. Шшш... Шшш...

Камилла взяла пальцы Данилы в свою ладонь, сжала их.

– И какого черта мы сюда поперлись? Ведь можно было предположить, что повстанцы совсем не ангелы свободы.

– Да и официальный режим не сонм святых, – напомнил Ключников. – Когда идет война, убивают с обеих сторон. А потом и не разберешься, кто виноват в том, что началась бойня.

– Прав оказывается тот, кто в результате победил. Так что, думаю, любитель считать до шести в результате станет одним из национальных героев.

– Если доживет до победы. Этот мудила слишком самоуверен.

– Мудила – это еще мягко сказано. Он недочеловек. И дело здесь не в том, что он араб. Среди арабов много умных, добрых, справедливых, честных – прекрасные поэты, писатели, журналисты...

Продолжить перечень Камилле не дали. Охранники закончили вечернюю молитву и стали загонять пленников в цокольный этаж здания, где располагались камеры. Мужчина и женщина шли, взявшись за руки, так, как привыкли ходить, прогуливаясь по вечерней Москве. Но им не позволили войти вместе со всеми. Охранник, ничего не объясняя, отогнал их в сторону, поставил к стене.

– Чего они от нас хотят? – испуганно спросила Камилла.

– Откуда мне знать? Заглянуть ему в голову, что ли?

Все остальные пленники уже исчезли в здании. Только тогда во дворе появился Сабах, он лучился улыбкой, даже удостоил журналистов кивка, а затем заговорил по-русски с явно выраженным восточным акцентом.

– С этого дня мы помещаем вас в отдельные одиночные камеры. Ваша судьба пока не решена.

– В чем нас обвиняют? – спросил Данила.

– Почему сразу обвиняют? – вскинул брови Сармини. – Идет обычная проверка. Кто вы, с какой целью оказались в Сирии?

– В первую очередь следовало бы об этом спросить нас самих, – вставила Камилла.

– Люди иногда врут, к сожалению, – блеснул очками Сабах. – Условия содержания у вас будут получше, чем до этого. В общей камере недолго и какую-нибудь заразу подцепить. Завтра мы поговорим о вашей судьбе более подробно. Подумайте о том, что сможете нам сказать. А пока – спокойной ночи.

После такого милого пожелания Сармини сделал жест охраннику, чтобы тот провел пленников в их новые камеры. Электричества в здании не было, коридор освещался редкими керосиновыми лампами. Камеры для особо ценных пленников располагались в самом его конце. Мужчину и женщину определили в соседние помещения.

– До завтра, – только и успел сказать Данила, и за его спиной лязгнул дверной засов.

Для пленника новая камера – это своеобразный аттракцион. Хотя какое-то разнообразие и объект для исследования. Солнце уже зашло, но небо все еще хранило его свет. Пока не стало совсем темно, следовало осмотреться. Под стеной на бетонном полу лежал матрас, набитый свежей соломой. Вместо стола высились два поставленных друг на друга старых деревянных ящика для овощей. Больше никакой обстановки в камере не наблюдалось, если, конечно, не считать обстановкой парашу, прикрытую гофрированной картонкой. Стены были испещрены старыми, полузамазанными надписями на разных языках. Новая охрана уже не уничтожала. Содержание их было предсказуемым. Часть просто сообщала, кто здесь и когда сидел. Другая часть свидетельствовала о ярко выраженных политических пристрастиях сидельцев.

Данила подошел к зарешеченному оконному проему. За ним в полутора метрах виднелась мрачного вида бетонная стена. Пахло сыростью и плесенью. Негромко журчала вода. Он поднялся на цыпочки, глянул вниз. Окно камеры выходило в какой-то водосточный коллектор. Было странно, что в почти вымершем городе еще что-то функционирует.

– Камилла, – тихо позвал он.

Женщина тут же отозвалась из соседней камеры:

– Я здесь.

– У тебя все в порядке?

– Вот только телевизора и мини-бара в номере нет.

Из-за двери послышался окрик, требующий прекратить переговариваться. Пришлось замолчать. Данила прилег. Спать абсолютно не хотелось. Деятельный Ключников буквально изнывал в заключении. Он бы даже согласился, чтобы пленников днем выгоняли на какие-нибудь работы. Хотя бы разбирать завалы в разрушенном городе. С тоской вспомнилась съемная московская квартира, казавшаяся до этого убогой. Обустраивать ее всерьез Данила не решался. Сегодня хозяйка готова сдавать ее, а увидит, что сделан хороший ремонт, найдет повод выселить квартирантов и заселить новых, которым придется доплачивать за отделку. Но зато там был Интернет, коллекция хороших фильмов. За неимением лучшего, Ключников стал восстанавливать в памяти некоторые из них. Как оператор, он помнил не только звук в фильмах, в его память врезались планы целиком.

Страшно захотелось курить, Ключников даже достал пачку, хотя точно знал, что сигареты в ней кончились еще днем. Он даже понюхал ее, та еще хранила запах хорошего табака. Бессонная ночь показалась оператору бесконечной. Найти себе разумное занятие в камере было практически невозможно. Пришлось прибегнуть к способу, почерпнутому из литературы. Данила стал мерить доставшееся ему помещение шагами. Пять шагов в длину, четыре с половиной в ширину. Именно этих полшага и раздражали больше всего, пойдешь и упрешься лбом в стену. Из рассказов бывалых людей Данила знал, что самые сложные в заключении первые три-пять дней, в течение которых человек не может смириться с тем, что потерял свободу. Затем при-

миряется с ситуацией. Но это в теории, да и касается нормальной, легальной тюрьмы, где ты знаешь, что раньше или позже должен появиться следователь, адвокат, впереди тебя ждет суд. Здесь же, в Абу-эд-Духуре, царил полная неопределенность.

Взгляд Данилы уперся в стену. При скудном освещении из окна проникал лунный свет, он увидел в глубокой щели между кирпичами, как ему показалось, скрученную в трубочку записку. Щель была явно процарапана в растворе кем-то из предыдущих сидельцев. Ключникову тут же вспомнилась иерусалимская Стена Плача, в щели между каменными блоками которой иудеи засовывают записки с посланиями богу.

Что случилось с тем сидельцем, который оставил записку? Кто знает, может, благополучно вышел на волю, заплатив выкуп, может, был расстрелян как «неперспективный» в смысле получения с него денег? Записка не могла этого прояснить, скорее всего, она была оставлена в минуты отчаяния. Но у Данилы мелькнула мысль, что в ней может содержаться полезный совет. Он запустил в щель мизинец и выковырял послание, которое на самом деле оказалась посылкой. На ладони лежал длинный окурочек – сигарету неизвестный благодетель скурил лишь до половины, остальное оставив незнакомцу, которому предстояло занять камеру после него.

Данила чиркнул спичкой, на несколько секунд его лицо осветилось огоньком. Он глубоко и с наслаждением затянулся. Заключение учит радоваться мелочам, на которые в обычной жизни не обратил бы внимания. Ну кто бы еще несколько дней назад мог сказать, что высокооплачиваемый оператор будет радоваться окурочку. Курить его, даже на секунду не задумавшись, что человек, потягивавший сигарету до него, может быть больным заразной болезнью. Данила просто наслаждался выпавшим на его долю кратковременным счастьем.

Огонек дошел до фильтра. Во рту появился тошнотворный вкус. Ключников выбросил окурочек в зарешеченное окно. И вновь потянулись долгие минуты ожидания. Он понимал, что в камере, скорее всего, в тайниках, подобных найденному, могут храниться и другие подарки от заключенных, но на всем следовало экономить.

Данила не успел присесть на соломенный тюфяк, как в коридоре вдруг послышались шаги. Шли не меньше двух человек, можно было различить бряцание оружия.

«За мной?» – тут же промелькнула мысль.

Ночной визит не мог предвещать ничего хорошего. Шаги приближались. Данила замер в ожидании. Совсем рядом невидимые для него тюремщики остановились. Лязгнув засов, но не в его камере, а в соседней, там, где находилась Камилла.

– Что вам от меня надо? – спросила женщина.

Послышалась возня.

– Они меня забирают! – успела крикнуть Камилла, и крик оборвался.

Скорее всего, Бартеневой заткнули рот. Данила бросился к металлической двери, стал колотить в нее руками и ногами:

– Что происходит! Откройте!

Но его никто не слушал. Шаги удалялись. По шороху можно было предположить, что Бартеневу волокут по полу. В бессильной злобе Ключников еще несколько раз ударил в дверь, а затем сполз на пол. Впервые в жизни он почувствовал себя таким беспомощным. Он даже не мог защитить свою подругу. Он вообще не мог ничего сделать.

– Сволочи, ублюдки... – прошептал он и почувствовал, как глаза его предательски увлажняются, а воображение стало рисовать одну картину за другой, все страшнее и страшнее.

Разумом телевизионщика Данила понимал, что произошедшее, скорее всего, и рассчитано на то, чтобы надавить на его психику. Не зря же их посадили в соседние камеры, дали немного успокоиться, не зря выбрали ночное время, когда человек чувствует себя максимально незащищенным. Но разум – это одно, а вот чувства логике не подвластны.

Ключников вскинул голову, ему показалось, что издалека, сквозь толщи кирпичной кладки, до него долетел отчаянный женский крик. Прислушался. Нет, вроде показалось. В реальности слышалось только журчание воды в коллекторе.

– Камилла... – прошептал Данила. – Почему они пришли за тобой, а не за мной?

* * *

Бартеньеву втолкнули в один из кабинетов, расположенных на последнем этаже бывшего полицейского управления, тут было светло, горели под потолком светильники, светился экран компьютера. На балконе мерно тарахтел портативный генератор.

За столом расположился Сабах. Несмотря на позднее время, он был подтянут, идеально причесан, светлый костюм сидел на нем безукоризненно, двое давно не бритых охранников, притащивших сюда Камиллу, смотрелись на его фоне сущими дикарями. На одной из стен висело черное полотно с написанной от руки арабской вязью. Нервничающая Камилла только и успела понять, что это религиозная цитата, что-то про джихад.

– Поосторожнее с ней, она пока еще наша гостья, – строго сказал Сармини, сам поднялся и отодвинул стул: – Присаживайтесь.

Бартеньева сразу не придавала значения слову «пока», услышала то, что хотела, – она здесь гостья. Она села на жесткий стул, машинально пробормотав «спасибо», нервно сцепила пальцы в замок и, чтобы не было заметно, как трясутся руки, положила их на колени. По дороге сюда, когда ее волокли с зажатым ртом, женщина решила, что впереди ничего хорошего ее не ждет, только еще больше неприятностей. Но вид учтивого, интеллигентного Сабаха, неплохо говорившего по-русски, успокаивал.

– Почему я здесь, можете объяснить? – спросила она, стараясь, чтобы в ее голосе не звучал вызов. – Чем обязана?

Сармини мило улыбнулся.

– Вы умная женщина, это по вашим глазам видно, – проговорил заместитель командира. – Мы абсолютно не желаем вам зла, поверьте. Но время военное.

– Я уже это слышала от вас.

– Мне нужно немного. Я хочу, чтобы вы связались со своими друзьями, родными, сообщили им, что с вами произошло. Заверили их, что с вами здесь хорошо обращаются. Вот и все. Они же волнуются из-за того, что от вас нет вестей. – Сармини был само благодушие, но по блеску глаз за стеклами очков Камилла понимала – перед ней двуличный человек.

– Как я могу объяснить им то, что мы, журналисты, абсолютно мирные люди, попали к вам в плен? – приняла условия игры Бартеньева.

– Скажите чистую правду. Мы не исключаем, что вы, прикрываясь профессией, шпионили в пользу Асада. Я имею право на сомнения? – Сармини вежливо улыбнулся, как бы подсказывая ответ: «Да, такое право он имеет». – Уверен, проверка, которую я сейчас провожу, покажет вашу невиновность. Хотя наш командир придерживается другого мнения.

– Почему я здесь одна, ведь в плен попали мы оба – я и мой напарник по съемочной группе? – спросила теряющая бдительность Камилла.

– Мужчины более амбициозны. Я сперва хотел убедить вас, а потом вы убедите вашего друга. Так будет проще для всех.

– Только связаться с близкими и сообщить о нашей судьбе? – уточнила Бартеньева.

– Пока – да, – сказал Сармини.

– Что значит пока? – набралась смелости для встречных вопросов журналистка.

– Обстановка интенсивно меняется, – расплывчато объяснил Сабах. – В некоторых вопросах нет ясности. Но я на вашей стороне, – он обернулся к охранникам и приказал: – Приведите русского, только без грубостей, он тоже наш гость.

Камилла и Сабах остались в кабинете одни. Сармини несколько раз прошелся по комнате, затем повернулся к женщине.

– Знали бы вы, как сложно бывает управлять этой неотесанной деревенщиной, – кивнул он на дверь, за которой скрылись охранники. – Они же настоящие религиозные фанатики, и с этим приходится считаться. Всерьез вы можете рассчитывать в плену только на мою помощь. Они ненавидят русских, ведь ваша страна поддерживает Асада. Им не втолковать, что журналист – кто-то вроде медика, остающегося над конфликтом противоборствующих сторон. Ну, да ничего, надеюсь, все обойдется. Даже они – люди, а не звери.

– Спасибо вам за понимание, – проговорила Камила.

Охрана привела Ключникова, его уже не втолкнули в кабинет, просто ввели в комнату.

– С тобой все хорошо? – тут же спросил он, глянув на Камиллу.

– Все нормально. Нам нужно с тобой поговорить.

Долго убеждать Ключникова не пришлось. Предложение Сабаха выглядело вполне мирным и даже человечным. Пришлось бы лишь слегка покривить душой, умолчать о страшных выходках Хусейна Дибана. Но это являлось мелочью перед лицом возможного освобождения. В конце концов, обо всем можно было бы рассказать потом, вырвавшись из плена.

– Я согласен, – сказал Ключников.

– Тогда прошу, мой компьютер к вашим услугам, – предложил Сармини.

Данилу с Камиллой устроили за раскладным столом. Ключников под присмотром стал щелкать клавишами. Время было такое, что по московским меркам кто-нибудь из знакомых мог еще сидеть за компьютером. Так и случилось. «В контакте» сидел тот самый депутат, организовавший им бумаги для поездки в Сирию, Данила тут же связался с ним по скайпу. Сабах стоял рядом, но так, чтобы не попадать в зону обзора камеры.

На экране появился вальяжно сидевший в мягком кресле депутат, перед ним на столе виднелся стакан с янтарной жидкостью, в которой плавал кусок льда. Камера краем захватывала и бутылку вискаря. В темной глубине комнаты просматривалась расстеленная непристойно дорогая двуспальная кровать с балдахином.

– Привет, Данила, – проговорил депутат, почесывая волосатую грудь в разрезе шелкового халата.

– Здравствуйте, Виктор Павлович, тут такое дело, – сказал Ключников.

– Вижу, вижу... – покачал головой Виктор Павлович. – В самое логово забрался.

Ключников сперва не понял, но затем сообразил – обернулся. Прямо за ним с Камиллой висело на стене черное полотнище с белой арабской вязью, по бокам от которого стояли двое охранников с автоматами в руках, лица у них уже были закрыты повязками, только глаза блестели.

– Это не постановочные кадры, – произнес Данила, придав своему голосу максимум убедительности. – Мы попали в плен к одному из командиров повстанцев. Нас подозревают в сотрудничестве с режимом Асада.

– Но с нами обращаются очень хорошо, – тут же вставила Камила.

Виктор Павлович тяжело вздохнул, отпил вискаря, при этом было слышно, как лед звонко ударил в зубы.

– Не режим Асада, а законная власть. Это во-первых. А во-вторых, сочувствую. В-третьих, кто мне обещал, что проблем не возникнет?

– Я, – признался Данила. – Но кто же мог знать?

– Я, конечно, постараюсь что-то сделать, но ты же понимаешь, на повстанцев у меня выхода нет. И ни у кого из наших тоже нет. Это разве что на Кавказе поискать. Выкуп за вас требуют?

– Пока вроде нет. Говорят, что разберутся и, возможно, отпустят, – сказала Камила.

– Я в МИД и в контору про вас сообщу. Это вы, часом, не с перепоя спектакль устроили?

– Как можно, Виктор Павлович? Такими вещами не шутят, мы же люди адекватные, вы сами это знаете.

– Там рядом кто-нибудь есть из них, с кем поговорить можно?

Данила вопросительно глянул на Сабаху. Тот отрицательно покачал головой, мол, нет.

– Только охрана с нами, она ничего не решает, – перевел на свой манер Ключников.

В темную спальню депутата упал косой свет. В дверном проеме появился силуэт стройной обнаженной женщины.

– Витя... – прожурчал голос. – Я готова. Что там за боевик ты смотришь? Аллах-акбары какие-то. Фу, противные.

Женщина приблизилась, запустила любовнику руки в вырез халата. Заблестело влажное после душа бедро.

– Не видишь, я разговариваю, – добродушно отмахнулся депутат. – Еще вопросы есть? Раз нет, то до связи.

Линия рассоединилась. Разговор прошел как-то слишком буднично, даже не верилось в его реальность. Поболтали, обменялись новостями и разбежались.

– Все, – растерянно произнесла Камилла, глядя на Сармини.

– Все, – улыбнулся Сабах. – Теперь ваши близкие узнают о вас. Отведите их обратно, – обратился он к охранникам.

Оставшись один, Сармини закрыл ноутбук, забросил за голову руки и мечтательно посмотрел в потолок.

Данилу и Камиллу вели по лестницам бывшего полицейского управления. Охранники шли позади пленников и о чем-то тихо переговаривались.

– Может, обойдется? – шепнула женщина.

– Хотелось бы, – успел ответить Данила.

Конвоиры и конвоируемые спустились на площадку ниже. В коридоре у открытой двери одного из многочисленных кабинетов стоял на широко расставленных ногах Хусейн. Он курил, прикрыв огонек неплотно сжатым кулаком. Рядом с ним расположились еще четверо повстанцев. Запах, похожий на дым от паленой тряпки, не оставлял сомнений в том, что курят они не табак.

На губах Дибы при виде русских пленников появилась нехорошая улыбка. Он быстро вышел на площадку и загородил дорогу.

– Куда? – по-арабски развязно спросил он. – А ну, поворачивай!

Камилла взвизгнула, когда двое боевиков схватили ее под руки. Данила рванул к ней, но его тут же скрутили.

– В кабинет их! – приказал Хусейн.

Приказ тут же исполнили. Теперь шесть боевиков и их командир разглядывали русскую тележурналистку. Двое из них держали Данилу, заломив ему руки за спину.

– Ненавижу, – произнес Хусейн и хохотнул. – Чего вам этот очкарик наговорил? То-то я смотрю, вы повеселели.

– Не трогай меня! – выкрикнула Камилла, когда Диб протянул к ней руку.

– Это еще почему? – удивился Хусейн.

– Отойди. Отпустите его! – От волнения Бартеньева заговорила по-русски, но Диб и по тону понимал, о чем идет речь.

– Вы шпионы Асада, – убежденно произнес командир. – И сейчас в этом сознаетесь на камеру. Ясно?

– Мы не будем себя оговаривать! – прокричал Данила, пытаясь вырваться, но держали его крепко.

– Это мы сейчас посмотрим, – проговорил Хусейн и принялся вместе с подручными сры-
вать с Камиллы одежду.

Женщина извивалась, умудрилась даже укусить Дибба за руку, но обкуренного командира это только распаляло. Через минуту она уже была в одном белье.

– Сволочи, – рвался из рук бандов Ключников.

– Попридержи язык, – посоветовал Дибб. – Его можно и отрезать, если надоест твое нытье. Вы шпионы, и я могу сделать с вами все, что захочу. Мои бойцы воюют за веру, им нужно развлечение. А у тебя есть красивая женщина. От нее не убудет, если мои парни поймут ее.

– Вы не мусульмане! Настоящие мусульмане не могут себе такого позволить, – крикнул Данила, пытаясь хотя бы воззвать к религиозным чувствам, все же боевики исправно молились в положенное для молитв время.

– Тут ты ошибаешься. Наш шейх издал фетву, что воины джихада могут насиловать женщин-христианок и даже неверно исповедующих ислам – алавиток и шииток. Они – наша законная добыча воинов. Так что заткнись. Если хотите остановить изнасилование, то согласитесь признать на камеру свою вину.

– Нам не в чем сознаваться!

– Как хочешь.

Двое боевиков схватили Камиллу, нагнули ее, бросили грудью на стол. Третий расстегнул брюки, стал сзади и начал неторопливо мастурбировать. У Камиллы уже не было сил кричать, она лишь дергалась. Ей не давали поднять голову, и она только могла по сопению боевика догадываться, что происходит у нее за спиной.

Боевик уже возбуждился, звонко хлопнул Камиллу по голой ноге и потянулся, чтобы сорвать с нее белье. Бартеньева пронзительно завизжала. Данила рванулся вперед, они упали все трое – и он, и те, кто держал его. Ключников вскочил первым, ненависть придала ему силы. Он ногой врезал боевику в пах, тот с проклятиями согнулся пополам. Но это оказалось единственной победой оператора. Хусейн был куда проворнее. Он с размаху ударил Данилу по почкам, и у того мгновенно потемнело в глазах. Оператор рухнул на пол. Ему казалось, что раскаленная арматура мало того что вонзилась ему в поясницу, так еще и проворачивается в теле.

Дверь в кабинет распахнулась. На пороге стоял взбешенный Сармини с пистолетом в руке. Выстрела в воздух хватило, чтобы Хусейн не нанес удара ногой по корчившемуся Даниле.

– Остановиться! Отпустить ее! – закричал Сабах, грозно сверкая очками.

Боевики неохотно освободили Камиллу, она стояла у стола, то и дело пыталась прикрыть наготу руками, но ее узких ладоней на это явно не хватало.

– Все вон! – прокричал Сабах, размахивая пистолетом.

– Сабах, чего ты разошелся? – примирительно начал Хусейн. – Воины устали, им надо развлечение.

– Выйдем, поговорим, – предложил Сармини. – Я скоро вернусь, – бросил он Камилле.

Данила его не слышал, пронзительная боль всецело завладела его телом, парализовав зрение и слух. Боевики вместе с Сармини и Диббом вышли в коридор. Дверь закрылась. Камилла бросилась перед Данилой на колени:

– Что с тобой?

– Боль. Невыносимая боль, – прошептал Ключников, открывая глаза. – Где они все?

– Сабах их ненадолго увел. Обещал вернуться.

– Оденься. – Преодолевая себя, Данила сел, придерживаясь за спинку стула, с трудом поднялся на ноги.

Бартеньева стала торопливо одеваться, словно одежда могла ее защитить от следующей попытки изнасилования. Из коридора доносился разговор на повышенных тонах. Взгляд Бартеньевой зацепился за письменный стол, она уперлась в его кант, стала толкать к двери.

– Ты что делаешь?

– Надо забаррикадироваться, – уверенно произнесла женщина.

– А дальше что? – прозвучал закономерный вопрос.

– Я не могу больше, помощи, – ноги Камиллы скользили по полу, стол не хотел двигаться.

В коридоре раздались два выстрела, и стало тихо. Вскоре в кабинет зашел Сармини, тут же прикрыл за собой дверь. Присмиревшие русские журналисты с надеждой смотрели на него.

– Я никого не убил. Просто тут так принято спорить – с криками и стрельбой. Быстрее доходит, – Сабах сунул еще дымящийся пистолет в карман.

– Жаль. Бородача стоило бы пристрелить, – кривя губы от боли, произнес Данила и опустился на стул.

– Иногда и мне так кажется. Он не умеет налаживать отношения с людьми. Хороших новостей у меня для вас нет. Вы же видите, какой здесь контингент. Мне далеко не всегда удается удерживать людей под контролем. Вам еще повезло, что я услышал крики и вовремя прибежал. Они в самом деле свято верят, что фатва шейха позволяет им насиловать. У меня для вас совет, соглашайтесь. Вы же не спецанты, не воины, вы – журналисты, мирные, штатские люди. Почему вы должны держаться до самого конца?

– Почему мы должны себя оговаривать? – спросила Бартеньева.

– А это вы у Хусейна спросите! Он вбил себе в голову, что вы агенты Асада. И с этим уже никто ничего не может поделать.

– Допустим, мы скажем на камеру то, что хочет ваш Хусейн Диб. Но где гарантии, что после этого нас не расстреляют как шпионов?

Сармини позволил себе улыбнуться.

– Он дурак, но не идиот. Он хочет получить за вас выкуп. Хусейн ошибся, захватив вас в плен, и теперь не желает признавать ошибку. У него только один путь более-менее приемлемого решения возникшей проблемы. Единственный шанс сохранить лицо. Сделать из вас шпионов, а затем взять за вас выкуп.

– Неужели все так плохо? – спросила Камилла.

– Единственное, чего я от него добился, – это оставить вас в покое, после того как вы сделали признание на камеру. На то, чтобы вас уговорить, у меня еще осталось, – Сабах взглянул на часы, – пять минут. Вот и все. Не согласитесь, и я уже не смогу их остановить. Решать вам.

Камилла в деталях представила себе, что произойдет. И поняла, что не переживет этого, даже если останется в живых. Она вопросительно взглянула на Данилу.

– Только не делай этого из-за меня, – сказала женщина.

– Придется согласиться, – произнес мужчина, опуская голову.

– Наконец-то, – вздохнул Сармини. – С вами все же легче, чем с ними, кивнул он на дверь. Я даже помогу вам составить текст признания. Потому что Хусейн не сможет толком объяснить, чего он хочет. А я уже привык понимать его желания.

– Это обязательно? – спросила Камилла.

Взгляд Сармини стал жестким:

– Если вы хотите остаться в живых, то – да.

Около часа ушло на то, чтобы Сабах составил текст признания. Вначале спорили о главном, потом о мелочах, которые по большому счету ничего не меняли. Наконец на штативе была установлена камера. Загорелась индикаторная лампочка. Данила с Камиллой рядом сидели на стульях.

– ...мы перед лицом неопровержимых доказательств, – говорила Бартеньева, – вынуждены признаться...

Она произносила слова, в которых не было и капли правды, при этом стоявший рядом Сармини следил за тем, чтобы признание выглядело достоверным. Бартеньева утешала себя лишь тем, что сложила крестиком указательный и средний палец. Так делают дети, когда врут. Она то и дело подносила ладонь к лицу и надеялась, что кто-нибудь потом, когда будет смотреть запись, заметит этот наивный жест, поймет, что все произнесенное – ложь. Поговорка не врет, утопающий и в самом деле цепляется за соломинку.

Глава 4

Единственной светлой стороной тюрьмы в Абу-эд-Духуре было то, что здесь практически не существовало строгого распорядка дня. Единственным исключением из этого отсутствия правил являлось то, что пленников после вечерней молитвы загоняли в камеры и запирали на ночь. А вот утром – с рассветом, камеры отпирали, и делай что хочешь. Конечно, на отведенной для этого территории.

Лязгнул засов. Охранник даже не удосужился заглянуть в камеру к Ключникову. Данила вышел в коридор, который понемногу наполнялся узниками. Он постучал в железную дверь к Камилле. Никто ему не ответил. Приоткрыв дверь, Ключников заглянул внутрь. Женщина сидела на тюфяке, закрыв лицо руками.

– Это я, – негромко сказал оператор.

Бартеньева вздрогнула, но ладоней от лица не оторвала. Данила присел перед ней на корточки, взял за запястья, отвел ладони от лица. Камилла тут же зажмурилась и отвернулась.

– Что с тобой? – спросил он.

– Мне стыдно смотреть тебе в глаза, – прошептала Бартеньева.

– Ты ничего такого не сделала, за что можно стыдиться, – не слишком уверенно проговорил Данила.

– Вчерашний день многое изменил во мне. Давай не будем об этом. Я хочу побыть одна.

– Так не пойдет. Ты будешь сидеть, думать, накручивать себя. Ты же классический интроверт. Тебя нельзя оставлять одну.

Ключников силой поднял женщину. Камилла стояла, рассеянно глядя перед собой. Данила взял в охапку тюфяк. Вместе они вышли на улицу. Охранник уже раздавал завтрак – черствые пшеничные лаваш и чай. Свободным в тени оставалось только одно место – под стеной, рядом с французским инженером. Он был не против, чтобы русские устроились неподалеку. Инженер рвал лепешку, макал ее в чай и неторопливо рассасывал, растягивая удовольствие.

– Как дела? – поинтересовался он.

– Спасибо, неплохо, – дежурной фразой ответил Данила.

Камилла молча грызла свой лаваш.

– Вас ночью куда-то водили? – спросил француз. – Выбивали выкуп?

Даниле не очень-то хотелось обсуждать эту тему, и так на душе было мутно. Теперь при свете дня, когда стресс после попытки изнасиловать Бартеньеву всем бандитским отрядом отошел на второй план, сказанное на камеру казалось ужасным. За такие признания, будь они правдой, расстрел был бы вполне справедливым наказанием.

– Что-то вроде этого, – расплывчато ответил он.

– Будем надеяться, что у нас все будет хорошо, – пообещал француз. – Мне эта тюрьма в каком-то смысле пошла на пользу.

– Каким образом? – Камилла наконец-то хоть чем-то заинтересовалась.

– Узнал, что моя жена полная мразь, – без тени сожаления в голосе признался француз. – Она отказалась за меня платить, хотя деньги есть. Если выберусь отсюда, подам на развод, суд в такой ситуации ей ничего из моего имущества не оставит.

– Есть другие варианты получения выкупа? – спросил Данила.

– Остается работодатель. Зря я, что ли, на фирму двадцать пять лет ишачил?

Стальные ворота открылись. Во двор вкатил «Лендровер» Сармини. Сабах сам сидел за рулем. Он посигналил, сгоняя с насиженных мест группку пленных арабов, после чего загнал машину в освободившуюся тень у самой стены. Прихватив с собой раскладной походный стуль-

чик, он направился напрямик к французу. Поддернул брюки и сел напротив, саквояж поставил рядом. Смотрел слегка насмешливо сквозь поблескивающие стекла очков.

– Они согласились за меня заплатить? – не выдержал француз.

– Есть плохая новость. Ваша фирма отказалась от вас. Никто не любит расставаться с деньгами.

– И это после того, что я для них сделал? – Инженер стал впадать в прострацию.

– Но есть и хорошая, – рассмеялся Сабах. – Ваш страховщик согласен заплатить за вас. Как только к нам поступят деньги, вы будете свободны.

– Страховщик? – не понял француз.

Сармини доходчиво объяснил ему интерес страховщика к тому, чтобы сохранить своему клиенту жизнь. Инженер буквально залучился от счастья.

– Я бы до такого не додумался. Жена отказалась, дети, работодатель. А тут вдруг – страховщик. Вы финансовый гений.

– Поздравляю, – ухмыльнулся Сабах. – Приятно слышать в свой адрес комплименты. – Сказав это, он повернулся к русским: – А вот с вами возникли проблемы. Телеканал, на который вы работаете, отказывается за вас платить. Причем не просто отказывается.

Данила и журналистка нервно жались друг к другу.

– До владельца я еще не дошел, но генеральный продюсер послал меня прямым текстом. Это плохо, очень плохо. Примерно такая же ситуация с вашим британским продюсером. Вот только англичане словесно оформили все более культурно, но с тем же результатом – иди, мол, подальше. Кто еще может за вас заплатить два миллиона? Напрягите память, это в ваших интересах.

– Два миллиона? – изумился Данила.

– Журналисты дорогой товар. Особенно если они одновременно и шпионы.

– Мы не стоим таких денег, – нервно проговорил Ключников. – Никто за нас столько не заплатит. Еще двести, триста тысяч – это реальная цифра.

– Вы недооцениваете себя, – губы Сармини кривились. – Напрягайте память.

– За нас не станут платить такие огромные деньги. Уменьшите выкуп, – попросила Камилла. – Намного уменьшите.

– Не продавать же мне вас в рабство бедуинам, – не теряя оптимизма, произнес Сармини. – Так работать – это работать себе в убыток. Я упрощу задачу. Среди ваших знакомых есть такие, кто располагает миллионами? Скажем, ваш знакомый, с которым вы связывались по скайпу этой ночью? Он человек не бедный. Я учился в Москве и знаю, сколько может стоить квартира-сталинка, где спальня размером с небольшой спортзал. Его, кажется, зовут Виктор Павлович, и он далеко не последний человек в России, даже депутат парламента.

– Из него вы денег не выбьете, – убежденно произнес Данила.

– Мы бьем только тех, из кого можно что-то выбить. Остальных или не трогаем, или убиваем, – взгляд Сармини стал жестким. – У него есть такие деньги?

– Есть, но...

– Не надо меня недооценивать, – Сабах достал из саквояжа планшетник. – Диктуйте никнейм его скайпа, номер мобильного. Я попробую.

Данила продиктовал. Камилла морщила лоб, потом все же решилась спросить:

– Насчет фетвы, разрешающей насилловать немусульманок, это правда?

– Видите, вы не теряете надежды отсюда выбраться, раз в вас проснулась профессиональная журналистка. Насчет фетвы – чистая правда.

– И как это соотносится с законами шариата?

– Зря вы так насмешливо говорите о законах шариата. Они значительно справедливее тех законов, по которым живете вы. Ваши правители могут сто раз переписывать и конституцию, и законы под себя. А в мусульманском мире даже абсолютный монарх не может изменить в

законах шариата ни единого слова. Они священны, их дал Аллах через своего пророка Мухаммеда. Я доходчиво вам объяснил?

Странно, но на этот пассаж Камилла не нашлась, что возразить.

Планшетник Сабах уже не прятал в саквояже. Сармини пошел вдоль сидевших на земле пленников, сверяя лица со своей виртуальной картотекой.

Камилла тяжело вздохнула:

– У нас нет шансов выпутаться из этой истории.

– Шанс всегда есть.

– Но не у нас. Зря мы оговорили себя. Нас это не спасет. Признайся, ты сделал это ради меня? Я не хочу слышать – «да».

– Наши ночные признания не были напрасными. Я оттягиваю время. Единственное, что может нас спасти, – это побег.

– Но как?

– Надо думать.

Сармини тем временем был занят странным на первый взгляд делом. Он выводил в центр двора людей. Ставил их двумя группками. Всего вывел пять человек. Среди них выделялся антиохийский священник в пыльных черных одеяниях. Он стоял, шурился на еще низкое солнце и беззвучно шевелил губами, скорее всего, молился.

– Всем прекратить разговоры и слушать! – крикнул Сармини, рядом с ним уже появились вооруженные автоматами боевики. – Перед вами пример того, какой может быть ваша дальнейшая судьба, – обращался он ко всем пленникам сразу. – Вы все – наши враги, и за это должны расплатиться с нами, – теми, кто воюет за освобождение Сирии. Одни из вас поняли это, раскаялись, сотрудничают с нами, их родные и друзья находят деньги для выкупа. За этих двоих уже заплатили, – Сабах показал на священника и стоящего рядом с ним бедуина. – Они сегодня же выйдут на свободу. А эти трое не сумели или не захотели найти деньги, – он указал на трех арабов, стоявших с опущенными головами. – И они сейчас будут казнены. Выбирайте свою судьбу.

Двое боевиков схватили старика-араба, потащили его и поставили лицом к стене. Затем отошли и вскинули стволы. Грохотнули короткие очереди. Пули врезались в стену, сбивая штукатурку. Старик дернулся и упал на пыльную землю. Боевики потащили на казнь следующего несчастного. Пленники, сидевшие у стены, притихли. Каждый из них думал о своей судьбе.

И тут оставшийся стоять в одиночестве молодой араб побежал. Даниле с Камиллой сперва показалось, что это просто от отчаяния и безысходности. Куда убежишь с окруженного высокой каменной стеной двора? Но юноша, за которого не нашлось, кому заплатить, знал на что рассчитывал. Шансов спастись у него было немного, но это были реальные шансы. С разбегу он запрыгнул на капот стоявшего в тени стены «Лендровера». Еще прыжок – и он очутился на крыше машины. Проворный юноша оттолкнулся ногой от пулемета и вскарабкался на стену. Всего метра четыре теперь отделяли его от криво нависавшей бетонной плиты разбомбленного завода. Высота такая, что сорвешься – разобьешься насмерть. И все же он, не раздумывая, прыгнул. Ему улыбнулось счастье, одной рукой он уцепился за выступавшую из треснутого бетона арматуру. Уцепился и повис.

Один из боевиков вскинул автомат – цель была легкой. Но Сармини почему-то отдал приказ:

– Не стрелять.

Сабах стоял и шурился на раскачивающегося под плитой юношу. Пленники, затаив дыхание, следили за беглецом, желая ему удачи. Даже антиохийский священник перестал молиться. Юноша обернулся и затравленно посмотрел на бандитов. Потом немного подтянулся на одной руке, качнулся и забросил на плиту ногу.

– Давай же, давай, – прошептала Камилла.

– Ему повезет, – Данила переводил взгляд то на беглеца, то на вскинутый ствол автомата.

Боевик только и ждал, когда Сармини даст ему отмашку на выстрел. А тот почему-то медлил. Смелчак вскочил на ноги, быстренько показал своим палачам непристойный жест и побежал в глубь разрушенного здания. Его силуэт мелькал между колонн. Парень бежал изо всех сил, чувствуя на своей спине прицел автомата. Ему страстно хотелось упасть, затаиться, но он знал: только быстрые ноги смогут его спасти. Беглец не заметил натянутой между двумя колоннами на высоте сантиметров в пятьдесят тонкой рыболовной лески. Он зацепил ее ногой. Кольцо с разогнутыми усиками вырвалось из запала. Чека кувыркнулась в воздухе. Хлопушкой отозвался капсюль. Юноша даже не успел понять, что произошло. Громыхнул взрыв. Десятки осколков вспороли его тело. Кровь брызнула на бетон.

У пленников, следивших за побегом, синхронно вырвался крик. Пыль, поднятая взрывом, медленно рассеивалась, ее тащил за собой легкий ветерок. У людей еще оставалась надежда, что беглец жив. Но вскоре ее не осталось. Из рассеявшегося дыма показалась безжизненно свисающая рука с оторванными пальцами. Сармини издал победный крик.

– Вокруг все заминировано. Запомните это. У вас есть только один шанс спасти свою жизнь – заплатить выкуп. Даже выбравшись за стену ограды, вы обречены, – Сабах сделал несколько шагов к машине.

Араб, обреченный на смерть, о котором временно забыли, маленькими шажками отходил в сторону, к другим пленникам, надеясь затеряться среди них. Но от него отходили, как от прокаженного. Сармини хлопнул себя ладонью по лбу и бросил боевикам:

– Чего ждете? Его же пристрелить надо.

Данила вскочил, рванулся вперед. Сухо затрещали автоматы.

Камилла спрятала лицо в ладонях. Ключников не добежал, он внезапно замер, побледнел, схватился за бок и медленно осел на землю, упал спиной в пыль, широко раскинув руки. Его остекленевшие, широко раскрытые глаза неподвижно смотрели в яркое солнечное небо.

– Вы убили его! – закричала Камилла, бросаясь к Даниле.

Сармини обернулся на крик, вскинул брови. Попасть в русского никто из боевиков вроде бы не мог, стреляли они в другую сторону. Доказательством этому являлся мертвый араб, из простреленной головы которого струйкой вытекала густая кровь. Но факт оставался фактом – распростертый на земле Ключников не подавал признаков жизни. Камилла склонилась над ним, приподняла голову.

– Даник, Даник... – причитала она.

Когда Сабах оказался рядом, женщина вскочила и набросилась на него, расцарапала ему лицо. Подоспевшие боевики оттащили ее.

– Убийцы! – закричала Бартеньева.

Сармини наклонился, видимых ран на теле у Данилы не было. Вот только лицо выглядело неестественно белым. Он приложил пальцы к артерии на шее, ощутил еле различимое, затухающее биение.

– Да никто в него не стрелял. Врач среди вас есть?! – выкрикнул он, обводя взглядом пленников.

Ответ мог бы дать и планшетник с базой данных, но Сармини забыл о нем. Он струхнул, терять выкуп за журналиста и получать проблемы из-за его гибели не хотелось. Он верил, что сможет выбить за него хорошие деньги. На этот счет кое-какой план в его голове уже сложился.

– Есть врач?!

Немолодой лысеющий мужчина уже поднялся возле стены и, прихрамывая, заспешил к Ключникову.

– Ты врач? – засомневался Сармини. – Ты же говорил, что уличный торговец.

– Поэтому и не хотел сразу признаваться, – произнес мужчина-араб и склонился над Данилой. – Аптечку принесите.

Он несколько раз надавил на ребра. Стал делать искусственное дыхание. Сармини метнулся к джипу, принес аптечку. Камиллу отпустили, она уже вела себя смирно.

– Значит, в него не стреляли? – тихо спрашивала она, но никто ей не отвечал.

Наконец Ключников дернулся, шумно вдохнул. Врач для надежности раздавил ампулу с нашатырным спиртом, сунул Ключникову салфетку под нос, придерживая голову ладонью. Данила открыл глаза. Он обвел стоявших возле него людей непонимающим взглядом.

– Где я? – спросил он так, словно только что родился на свет.

Облечь ответ в короткую доходчивую фразу никто не решился.

– Я здесь! – Бартеньева бросилась к своему оператору.

– А... Камилла... – тихо проговорил Данила, и по его взгляду стало ясно, что память уже возвращается к нему.

Врач поднялся с колен, вытер вспотевший лоб.

– Что с ним? – строго спросил Сармини.

– Не знаю. Смотреть надо.

– А ты какой специальности врач?

– Универсал, – принялся вновь «шифроваться» медик, который в прошлом был военным врачом, а потому и не хотел в этом признаваться. – Похоже на болевой шок, – добавил он.

– Его вчера били по почкам, – напомнила Камилла.

– Надо смотреть, – повторил медик.

– Какой смысл в осмотре? – проговорил Данила. – Разве он что-нибудь изменит?

Внимание людей переключается очень быстро, особенно если их окружает то, о чем не хочется думать. Пленники уже «забыли» о расстрелянных, появилось новое зрелище. Ключников лежал на соломенном тюфяке лицом вниз. Медик задрал ему рубашку и тут же обнаружил на спине шрам, оставленный операцией.

– Вам пересаживали почку? – сразу определил он.

– Четыре года тому назад, – ответил оператор.

– Почему ты мне никогда об этом не говорил? – изумилась Камилла.

– А затем, чтобы ты позволяла мне изредка выпивать, – нашел он в себе силы пошутить. – К тому же я не мог ждать, пока мне пересадят почку в России, пришлось делать это полулегально в Индии. Да и произошло это еще до нашего знакомства.

Врач принялся легонько простукивать спину Ключникову. Он ударял двумя пальцами по прижатой ладони. О реакции Данилы следил по тому, как он морщится.

– Вот так больнее всего? – легонько ударив, спросил он.

Данила снова побледнел.

– Будто прут раскаленный всадили.

– Все ясно, – сказал медик.

– Что именно? Это опасно для жизни? – уточнил Сармини, ему не хотелось терять деньги за возможный выкуп.

– Довольно серьезно. Пересаженная почка, она не держится в организме так, как родная. Ее «подшивают». От удара «подшивка» оборвалась. Почка опустилась. Она будет опускаться все ниже и ниже, пока не оторвется. Тогда – смерть, – не стал скрывать правды от пациента медик, тюрьма вынуждала к откровенности.

– Как скоро это наступит? – по-деловому поинтересовался Сабах.

– Месяц, если не сделать операцию. И полтора, если все это время лежать, почти не поднимаясь. Тогда процесс опускания органа притормозится.

– Операция поможет? – спросила Камилла.

– Если ее сделают в хорошей клинике опытные хирурги, то все наладится.

– Вот видишь, – оскалившись, произнес Сармини. – Тебе надо очень хорошо постараться, чтобы успеть вовремя. Так что «бомби» владельца канала и своего английского продюсера с

удвоенной силой. А твоим депутатом я займусь лично, – Сабах глянул доктору в глаза. – Ему помогут какие-нибудь медикаменты? Мне-то он нужен живым. Пока живым.

– Обезболивающее. Иначе от болевого шока может повториться то, что мы только что наблюдали. И если никого не окажется рядом... – врач не договорил, и так было понятно, что произойдет.

– Хорошо, выпишите рецепт, я постараюсь достать, – Сармини дал медику блокнот и ручку.

Узнать, что тебе отмерено жить месяц, в лучшем случае полтора, но тогда придется лежать вообще без движения, – открытие не из приятных. Для Данилы это стало настоящим шоком, он-то надеялся быть поддержкой для Камиллы, а получалось, что превратился в обузу. Возможно, Хусейн с Сармини даже не воспользуются кассетами с признанием, а тихо избавятся после его смерти и от Бартеньевой. Сабах не захочет рисковать репутацией. И все же беда обернулась и относительным улучшением. Боясь, чтобы с Данилой не случился новый припадок, Сабах распорядился поместить к нему в камеру и Камиллу. Ей выдали шприцы, ампулы с обезболивающим, которое следовало колоть регулярно, не пропуская.

Лишь только они остались одни, Камилла сказала Даниле:

– Бежать, только бежать. По-другому мы погибнем. Без тебя мне отсюда не выбраться.

Глава 5

Хусейн Диб сидел в бывшем кабинете начальника полицейского управления и курил сигарету. Табак любитель «травки» ненавидел. Но приходилось пока держать марку, ведь в кресле перед журнальным столиком расположился Сармини и попивал кофе из маленького стеклянного стаканчика, в котором плавал листик мяты. Сабах тоже раздражал Хусейна, но он старался этого не показывать. Сармини перед отъездом пытался хоть немного вправить мозги своему командиру.

– Никаких игр в считалочки. Мы договариваемся о выкупах с серьезными людьми, а серьезные люди любят иметь дело с ответственными партнерами. За большие деньги могут и голову показательно открутить. Просто так, из принципа, чтобы другим неповадно было обманывать. Договариваемся о цене, и потом не должно быть никаких сбоев. Заложник возвращается целым и невредимым.

– Знаю, репутация дорогого стоит, – повторил одно из любимых выражений своего заместителя Хусейн. – Вот только с русскими журналистами ясности нет. Чего ты с ними возишься? Не хотят за них платить – пустим в расход, и все дела.

Сармини сузил глаза.

– Пустить в расход или по почкам ударить, – он выразительно посмотрел на Хусейна, – дело нехитрое, для деревенщины. А выстроить комбинацию по получению денег – это уже высшая математика.

– И как ты собрался превратить этого русского и его шлюху в тугие пачки долларов? – недоверчиво спросил Диб, ему казалось, что Сармини слишком уж хитрит и в итоге перехитрит самого себя.

Сабах провел ладонями по лицу, словно молился.

– Я уже переговорил с их депутатом, – ухмыльнулся он. – И тот обещал подумать насчет выкупа, хотя сперва опрометчиво послал меня подальше. Я умею убеждать.

– Какую игру ты на этот раз затеял? – проворчал Диб, с отвращением раздавив сигарету в пепельнице.

– Он политик, а политику нужен пиар. Их фракция в парламенте на следующих выборах может не набрать необходимый минимум голосов. Пленение журналистов, признавшихся в шпионаже в пользу режима Асада, однозначно сделает их героями в России. Из солидарности другие журналюги будут раздувать эту тему, как ветер раздувает лесной пожар. Даже у правящей партии нет выходов на повстанцев, а я ему такой выход даю. В партии много богатых людей. Они сбросятся. Внешне все будет представлено как акт доброй воли с нашей стороны. Якобы мы без всяких денег передаем русских журналистов отважному депутату, вступившему в переговоры. Если ему удастся освободить шпионов, то акции его партии и его личные акции в партии пойдут вверх. Он неглупый человек и понимает, что Асад обречен, русским так или иначе придется иметь дела с повстанцами, когда они войдут в Дамаск.

– Ты думаешь, нам удастся сделать это первыми? – приободрился Хусейн, рассчитывавший после революции отхватить какой-нибудь государственный пост.

Сармини отрицательно покачал головой.

– Я решил, что лучше вовремя «соскочить». Уйти в тень.

– Ты серьезно?

– Абсолютно. Не бери больше заложников. Это опасная игра. Нам до этого везло. Распродадим тех, кто у нас есть, и свалим из страны. Если хочешь, я помогу тебе сделать новые документы, приобрести дом на берегу океана где-нибудь в Мексике. Или же тебе по душе турецкая часть Кипра? Подумай о тихой старости. Именно поэтому я отправляюсь сейчас за твоими

женами и детьми. Ты же хочешь увидеть когда-нибудь потом своих внуков? Сирия еще долго не поднимется из руин – кто бы ни победил. Ты же сам это видишь. Счастья здесь искать глупо.

Хусейн потер лоб. Он понимал, что по большому счету Сармини прав. В любой азартной игре решающим фактором является умение вовремя остановиться. Но мало у кого получается это делать.

– Я подумаю, – пообещал Диб.

– Только в осуществлении мечты не закладывай полную сумму от продажи русских журналистов. Думаю, депутат собьет цену, нам придется согласиться на полтора миллиона.

– Спасибо, что вызвался позаботиться о моей семье. Файез страшный человек, таким может быть только безродный отморозок. Если его банда доберется до них...

– Я сделаю все, чтобы этого не допустить.

Командир поднялся, обнял на прощание своего заместителя.

«Лендровер» и микроавтобус выехали из ворот бывшего полицейского управления. На этот раз Сармини сидел на пассажирском сиденье. Дальние поездки он не любил проводить за рулем. Вместе с ним в путь отправились и четверо боевиков из числа наиболее преданных Хусейну. Диб сам подбирал их. Сабаха они побаивались, считали чуть ли не шайтаном. Он оставался для них загадкой. Его комбинации и впрямь казались им чем-то вроде высшей математики – недоступной пониманию, а потому таинственной.

Машины ехали по вымершему городу. По обе стороны от улицы высились руины домов. Лишь изредка можно было наблюдать очаги жизни. В пятиэтажном доме артиллерийским огнем были вынесены кирпичные стены на втором и третьем этажах. Верх строения держался на тонких железобетонных столбах. Но все равно на верхнем этаже продолжали жить люди. Мальчишка запустил из окна бумажный самолетик. Он заложил круг над улицей и спланировал на капот «Лендровера», его тут же сдуло встречным ветром. Сармини посмотрел на лицо водителя. Обычно суровый боевик улыбался.

– Детство вспомнил? – спросил Сабах. – Как сам самолетик пускал?

– Вспомнил, – неохотно признался бородач, ему, с одной стороны, не хотелось, чтобы лезли в душу, он начинал от этого чувствовать себя незащищенным, но, с другой стороны, люди любят, когда ими интересуются.

Сабах уже нащупал слабинку. Боевик, способный хладнокровно убивать, оказался сентиментальным.

– Дети у самого есть?

– Первенец, он с моей женой недалеко от Абу-Каатур живет у ее брата.

– Близко от нашей дороги, но заехать не успеем. Что после войны делать собираешься?

– Не знаю еще. Наверное, дело какое-нибудь открою, лавку куплю, – пожал плечами водитель.

– Это хорошо. В жизни цель должна быть. Тогда все, что делаешь, приобретает смысл. Тогда у тебя появляется линейка, которой можно измерять жизненный путь.

– Как это?

– Ты получаешь возможность измерять – приблизился ты к цели или удалился от нее. Вот, скажем, мы расстреляли тех, кто не сумел достать выкуп. Не со злости же мы их убили, не просто так патроны потратили.

– Вроде так. Мне приказали, я и расстрелял.

– А теперь возьмем линейку. Померяем ею, приблизился ты к своей цели купить лавку или удалился?

– Не знаю даже. Наверное, приблизился, – ответил водитель.

– Те, кто видел расстрел, с большим рвением начнут искать деньги для выкупа. От каждого выкупа командир тебе деньги платит. Значит, ты приблизился. И мы все вместе прибли-

зились, каждый к своей цели. Ты не гони, в переулок сверни, – распорядился Сармини на перекрестке.

Водитель повиновался. В переулке между домами стоял джип. Из-за руля выбрался прохиндейского вида мужчина в жилетке с множеством карманов. На дверце виднелся логотип телеканала «Аль-Джазира».

Сармини не стал обниматься с тележурналистом по мусульманской традиции, они просто по-деловому пожали друг другу руки. Сабах открыл саквояж, протянул кассету и пластиковый файл с распечаткой.

– Это то, о чем мы с тобой говорили? – поинтересовался тележурналист.

– Оно самое, признание русских стрингеров. А это черновик дикторского текста.

Журналист пробежал глазами страницу, удивленно вскинул брови:

– И вы не требуете никакого выкупа?

Сабах мотнул головой:

– Не требуем.

– Не верю, – тут же выпалил журналист.

– Требовал бы, об этом и написал бы. Все, некогда мне.

– Не похоже на тебя. И с меня денег не взял за кассету с признанием. И выкуп тебе не нужен. Может, ты в самом деле религиозным фанатиком заделался? Эта болезнь заразная, а ты среди ее носителей каждый день вращаешься.

– Нравись ты мне. В жизни совсем другое говоришь, чем с экрана. Таким и надо быть. Поставишь ли в эфир, даже не спрашиваю. Первым с новостью выскочить возможности не упустишь.

Сармини торопливо пожал руку журналисту и сел в «Лендровер». Вскоре внедорожник и микроавтобус уже катили по загородной местности. Ехали по хорошей дороге. Движение было небольшим. Иногда приходилось останавливаться, когда въезжали на территорию, контролируемую другими командирами. Поскольку с Сабахом было мало людей, их не останавливали надолго, им верили, что они едут забрать семью одного из боевиков, а не готовят какую-то операцию за зоной своей ответственности. О том, что едут забрать семью самого Хусейна Дибана, Сармини, конечно же, не упоминал. Маршрут был составлен так, чтобы пролегал только по территории дружественных Дибану группировок. Лучше сделать крюк в двадцать километров, чтобы разминуться с недругами. А отношения между отрядами повстанцев были сложными.

Уже стемнело, когда, перевалив за горную гряду, выехали к селению, где жила семья Дибана. Жены и дети неплохо знали Сармини, потому не стали сомневаться, когда он сказал, что отец семейства прислал его, чтобы отвезти всех в Абу-эд-Духур.

– Хусейн считает, так будет безопаснее.

Фадва и Ханса предлагали боевикам заночевать в соседнем доме, но Сармини отказался. Женщины стали собираться, в результате боевикам пришлось перебраться в «Лендровер», предоставив микроавтобус двум женщинам и троим детям – мальчику с двумя сестричками – и багажу, с которым жены Хусейна не захотели расставаться.

Фары медленно едущих машин выхватывали острые края скал, прорезали мрак над пропастями. Но водители, как люди, выросшие в здешних местах, уверенно вели машины по серпантинам. Убаюканные качкой дети уснули, устроившись на мягких кулях с подушками и одеялами. Дорога пошла на спуск. Впереди маячила одиноко стоящая скала. Когда до нее оставалось совсем ничего, внезапно вспыхнул свет фар, на дорогу, перегородив ее, выкатился бортовой грузовик. Водитель «Лендровера» еле успел затормозить, но все же ткнулся бампером в колесо. В это же мгновение над бортом на фоне ночного неба показались силуэты вооруженных людей. Сармини удивительно быстро успел распахнуть дверцу, вывалился из машины, прихватив с собой саквояж, и забился под нее. Затрещали выстрелы. Рассыпалось, провалилось лобовое стекло. Водитель с простреленной головой повалился на руль. Шофер микроавто-

буса лихорадочно стал сдавать задним ходом. Выскочивший из темноты злодей в черной маске выстрелил в него через боковое стекло. Неуправляемый автобус продолжал катиться задним ходом. Убийца рванул дверцу, выбросил мертвого водителя на дорогу, вскочил за руль и надавил педаль тормоза. Надрывно плакали перепуганные дети, женщины прижимали их к себе.

– Вам никто не сделает ничего плохого, – сказал человек в маске.

Бой окончился быстро. Боевики Хусейна были перебиты. Женщин и детей погнали в ночь.

Сармини осторожно выбрался из-под машины, сел на камень, вытер носовым платком разбитый в кровь лоб. Поставив саквояж на колени, он раскрыл его, достал спутниковый телефон.

На другом конце беспроводной линии наконец-то отозвался тот самый тележурналист из «Аль-Джазира».

– Сабах, если ты звонишь, чтобы отменить выпуск кассеты с признаниями русских, то ты опоздал. Я уже сбросил видео выпускающему редактору, с ним работают монтажеры. Сюжет появится в утреннем выпуске.

– Нет, я по другому делу. Только что...

* * *

Страшно ныло в боку. За зарешеченным окном камеры мерно журчал водоотводной коллектор. Ночь понемногу вступала в свои права. Камилла нервничала. Часов у пленников не было, а инъекции обезболивающего следовало делать строго по расписанию, поэтому женщина пыталась угадать, сколько прошло времени.

– Кажется, пора, – сказала она Даниле.

– Может, и правда пора.

В полумраке Бартеньева сломала горлышко ампулы, набрала шприц. Ключников поморщился, когда поршень пошел вниз.

– Странное дело, обезболивающее, а колоть его больно.

Он прислушивался к своему организму. Лекарство понемногу начинало действовать. Острая боль в боку растворялась, уходила. Наконец он почувствовал себя абсолютно здоровым. Правда, понимал, что именно «почувствовал». Смертельная в перспективе травма никуда не делась, а продолжала прогрессировать. Уходили, как песчинки в песочных часах, секунды и минуты жизни. Возможно, жизнь оборвется и раньше отпущенного медиком срока. То, что обезболивающее – это наркотик, Данила понимал, но ему было сейчас наплевать на это. Пусть себе и начинается привыкание. Кто скажет, сколько той жизни ему осталось? А удастся выкарабкаться, то силы воли хватит, чтобы справиться с зависимостью.

Данила поднялся с тюфяка.

– Ты что, тебе лежать надо! – возмутилась Камилла. – Не вздумай ходить.

– И много я вылежу? – саркастически произнес Данила. – За нас не заплатят, это факт, и ты это знаешь не хуже меня. Единственное спасение – побег.

– Мы это уже видели, – напомнила Бартеньева.

– Любая информация не бывает лишней. Зато теперь мы точно знаем, что развалины завода строительных конструкций заминированы. Парень за это знание жизнь отдал. Я, пока лежал, кое-что придумал.

В голосе Ключникова почувствовалась уверенность, она передалась и Камилле.

– Побег возможен?

– В теории.

Ключников снял верхний деревянный ящик для овощей, служивший в камере столом. Стал расшатывать одну из дощечек. Наконец с противным скрипом вылезли ржавые гвозди. Оператор постучал дощечкой, вытащил пальцами гвозди.

– Что ты делаешь? – Камилла пристально следила за каждым его движением, пытаясь понять, каким образом эти действия могут привести к свободе.

– Готовлю побег. Во всяком случае, надеюсь, что готовлю его, – улыбнулся Данила. – Тюрьма – это система обороны тюремщиков от заключенных. И мы, узники, должны искать в ней слабые места, – принялся объяснять ход своих мыслей Данила. – Тот погибший парень нашел и вырвался за первое кольцо – за каменную стену. Но оказалось, что тюремщики предусмотрели вторую степень защиты, заминировали руины завода. Они усиленно охраняют двор, ворота. Тем путем уйти нельзя.

– И где же, на твой взгляд, слабое место?

– Сама тюрьма. Бандиты безоглядно полагаются на крепость стен, надежность запоров и решеток. Они настолько уверены в их надежности, что даже по ночам не выставляют коридорных. Значит, надо пытаться вырваться именно этим путем.

– Биться головой о стену? Лбом ее не прошибешь. Нужны инструменты, а у нас их нет, – напомнила Камилла. – Мы с голыми руками.

– Не совсем так. У нас есть в распоряжении подручные материалы, – он показал на оторванную дощечку и гвозди. – Когда-то у древних людей не имелось стали, даже бронзы, они прекрасно управлялись деревянными палками, камнями и в результате построили современную цивилизацию. Давай обратимся к их опыту. Как древние египтяне откалывали каменные блоки для постройки пирамид? Ведь у них не было алмазных пил, двигателей. Тем не менее они воздвигли пирамиду Хеопса, которая и по сей день остается самым большим по объему рукотворным каменным сооружением. Практически находясь в таком же положении, как и мы с тобой, – с голыми руками.

– Ну, не помню, – наморщила лоб Бартеньева. – Кажется, сверлили в камне дыры, а потом что-то туда забивали. Наверное, металлические клинья, которыми и раскалывали камень.

– Все проще и бесшумнее. Металл в Древнем Египте являлся очень дорогим. К тому же он был мягким – бронза. Им только сверлили отверстия, а вот забивали в них клинья из сухого твердого дерева, которое у нас есть.

Ключников легонько постучал оторванной от ящика дощечкой, та звонко отозвалась, словно пластинка ксилофона.

– Ты уверен?

– Я даже снимал для одного канала работу реконструкторов древних технологий. Они экспериментально доказывали теоретические предположения. Например, то, что древние лодки из цельного ствола дерева не долбили, а выжигали углями. Представляешь, на моих глазах трое мужиков изготовили долбленный челн вчетвером за три дня!

– Нам лодка ни к чему, – вставила Камилла.

– Они при мне раскололи камень при помощи деревянных клиньев, просто забили их в отверстия и полили водой. Дерево разбухло, камень треснул. Вот и вся технология.

Ключников руками расколол тарную дощечку на несколько брусочков, стал ломать их на клинья. Когда не хватало сил рук, использовал гвоздь. В глазах Бартеньевой загорелся огонек азарта. Ночь еще только начиналась, до утра до них никому не было дела.

– Теперь будем забивать клинья, – Ключников подошел к стене. – Не столько увидел, сколько нащупал глубокую щель тайника, выпарапанную предшественниками для хранения «посылок» – окурков.

Не каждый клинышек подходил к глубокой щели. Одни были намного толще, другие тоньше. Пользуясь второй дощечкой, оторванной от ящика, Данила плотно и глубоко вогнал клин, обломал его заподлицо со стеной.

– Стена же толстая? – Камилла все еще сомневалась в успехе дела.

– Не очень. Здание каркасное – из железобетона. Проемы просто заложены кирпичом. Тут кладка должна быть тонкой – в один кирпич. Когда она расколется, мы просто выдавим ее наружу, а там водосливной коллектор. Выберемся через него.

– Куда выберемся?

– К реке. Не думаю, что здесь кто-то строил водоочистные сооружения. Главное – выбраться.

Ключников процарапал гвоздем на кирпичной кладке по швам абрис узкого проема и объяснил:

– Нам не надо разрушать всю стену. Будет достаточно и лаза, в который проберется человек.

Еще четыре готовые щели попали в обведенный Ключниковым контур. Но этого, конечно же, было мало. В дело пошли гвозди. Мужчина и женщина ожесточенно процарапывали ими швы кладки. Раствор был не крепким, подрядчик явно неплохо сэкономил на цементе. Да и кирпич был дрянь, крошился легко. Но это-то и требовалось пленникам, затеявшим побег.

Колышки входили в щели, Данила плотно вгонял их ударами ребра доски. Опыт приходит во время работы. Вскоре не стало лишних движений, суеты. Работали сосредоточенно. Наконец последний клин встал на приготовленное для него место.

Уставшие пленники опустили на тюфяк.

– Передохнем.

– Ты бы полежал.

– Тут ты права. Мне теперь жить захотелось. – Ключников лег, закурил найденную в тайнике сигарету.

– Дай и мне затянуться, – попросила Камилла. – Хоть какой-то допинг.

Курили, передавая сигарету после каждой затяжки. Всполохи тлеющего огонька немного освещали камеру. Теперь предстояло проверить систему в действии. Теория – это одно, а практика обычно преподносит сюрпризы, чаще всего неприятные.

Руки у Камиллы подрагивали, когда она взяла в руки глиняный кувшин, в котором плескалась вода.

– Осторожней лей, вода должна попасть на наши клинья.

Бартеньева лила, Данила подставлял ладони, чтобы вода затекала внутрь трещин. Но получалось плохо, почти все стекало по стене. У Камиллы на глаза наворачивались слезы.

– Ты же говорил, что получится! А она все время вытекает. Дерево не набухнет.

– Больше не лей, – остановил подругу Ключников. – У нас есть только эта вода. Утром даже умыться будет нечем.

Женщина поставила кувшин на пол, смотрела на проклятую стену, которую уже успела разрушить в мыслях. Мечта о свободе ускользала. Ей хотелось пить, но она не решалась прикоснуться к кувшину.

– Древним египтянам было легче, – проговорил наконец Данила. – Они лили воду в вертикальные отверстия, вот она там и стояла, сухое дерево впитывало ее. А у нас отверстия горизонтальные, из них вода вытекает. Надо было сверлить под наклоном, чтобы вода там удерживалась.

– У тебя есть сверло? Мы работали зря? – всхлипнула Камилла. – Я себе все ногти обломала об эти кирпичи, руки в кровь стерла.

– Ногти отрастут, раны затянутся, – попытался утешить Ключников подругу. – Время у нас есть. Повторим завтра с новыми силами.

– Времени у нас нет. У тебя есть только месяц, чтобы выбраться отсюда. Иначе – смерть. Даже не месяц, один день мы уже потеряли. Не сиди, ложись. Тебе нельзя сидеть.

– Я все понимаю, – Ключников лег, глядя на еле различимую проклятую стену.

– Сколько времени прошло? – упавшим голосом произнесла Камилла.

– Ночь длинная.

– Я не могу пропустить срок для инъекции. Иначе тебя вновь будет мучить боль.

– Инъекция? – переспросил Данила так, словно слышал это слово впервые. – Ты сказала: «инъекция»?

– Что в этом такого?

– Инъекция! – вырвалось радостное у Ключникова. – Давай сюда использованные шприцы!

Бартеньева уже сообразила, что задумал Данила. Решение было простым и лежало на поверхности. Они набирали в шприцы воду, вкалывали иголки в древесину и очень медленно вводили в колья влагу.

– Они мокрые, вода почти не выливается! – радовалась женщина. – Они набухают. Видишь, уже и вырвать его невозможно.

Трижды они обкололи деревянные клинышки, сломав при этом три иголки.

– Все? – спросила женщина.

– Похоже, что от нас уже больше ничего не зависит.

– Она сейчас развалится?

– Стена треснет, но не развалится. Мы должны подготовиться к побегу. Мы выдавим ее в начале следующей ночи, так у нас будет время уйти подальше. Нас хватятся только утром.

– Говоришь так, словно стены уже нет.

Ключников чиркнул спичкой, посветил. У Камиллы вырвался испуганный выдох:

– Ой!

Следы ночной работы были видны как на ладони. Процарапанные борозды по контуру воображаемого пролома, колышки, загнанные в щели, на полу белел раскрошившийся кладочный раствор. Даже самый тупой боевик, заглянув в камеру, тут же заподозрил бы неладное.

– С этим надо что-то делать, – прошептала женщина.

Пленники стали сгребать с пола крошево раствора, смачивать его, замазывать щели. Но Данила вскоре сообразил, что влага высохнет и такой раствор высыплется сам собой. После этого стали добавлять зубную пасту. Уже светало, с каждой минутой становилось более очевидно, что маскировка плохая.

– Черт, что же делать? – отчаявшись, спросила женщина.

– Думать, – Данила стоял, смотрел на стену, затем резко повернулся. – Дай зубную пасту!

Он принял наполовину выдавленный тюбик в руку и нарисовал остатками пасты на стене дверь с ручкой и замочной скважиной. Те следы, что они оставили в стене, ковыряя ее, тут же поблекли до состояния невидимости по сравнению с белизной пасты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.